

ИЗ ДОСЬЕ "МК".

Народный артист, лауреат Госпремии РФ, Борис Гаврилович Голубовский родился 30 марта 1919 года. После окончания ГИТИСа, в войну, был режиссером Московского Комсомольского фронтового театра ГИТИСа. В 50-х годах 4 года возглавлял Московский областной театр драмы, затем 8 лет — МТЮЗ. С 65-го по 87-й он — главный режиссер Московского драматического театра им. Гоголя. Поставил несколько интересных спектаклей: "Верхом на дельфине", "Рок-н-ролл на рассвете", "Декамерон". Полвека преподает в ГИТИСе. Сейчас он профессор кафедры режиссуры. Автор успешной книги "Большие маленькие театры".

Однажды профессор ГИТИСа Голубовский провел неформальную встречу с учениками у себя дома за самоваром, в котором был коньяк, и с любопытством психолога наблюдал за реакцией каждого на странный вкус "чая". С возрастом Борис Гаврилович не утратил чувства юмора. Пропустив меня в свой кабинет, он плотно закрыл дверь со словами: "Старая воровская привычка". Заметив мое недоумение, рассказал, как его друг, начальник угрозыска, привел бывшего бандита к нему на спектакль "Огарева, 6". В антракте знаток воровских привычек упрекнул режиссера: "Тут все неправда. Никогда бандит не сядет спиной к открытой двери..."

Стены высоченного профессорского кабинета плотно набиты книгами. На столе — открытая пишущая машинка. Кажется, она стоит здесь вечно, и я поинтересовалась родословной хозяина.

— Моя мама, Роза Марковна, работала секретарем-машинисткой, но еще подхалтуривала дома. И меня научила — я иногда ей помогал, печатал очень быстро. Мой папа Гавриил Яковлевич был просто хорошим человеком, неплохим хозяйственником, но любил пофилософствовать, объяснялся придуманными притчами: "Утром мне нужно разменять 100 рублей. А у меня их нет", — вот так он вышучивал свою бедность. Мне, непосвященному юноше, он говорил: "Ты учти, в любви самое главное — это первый поцелуй. А дальше дело техники".

— А это правда, что вы в ГИТИС поступили, не закончив 10-летки?

— Именно так и случилось: в 9-м классе я поступил в вечернюю театральную студию, которой руководили вахтанговцы. Меня, красивенького, хорошенького мальчика начали тянуть на героев-любовников: высок, спортивен, ловок — все при мне. Но

после первого курса меня с треском выгнали. Приговорили: "бездарен". Ну, действительно, какой из 15-летнего юноши любовник? Смешно! Правда, интеллигентного мальчика оставили ассистентом педагога. Я увлекся — помогал чем мог. И вот однажды сдавали мы отрывок из "Пиквикского клуба". Но актер, игравший экцентричного Джингла, сломал перед премьерой ногу. Педагог предложил мне выйти на сцену подавать реплики. Совершенно безответственно — чего взять с бездаря? — я согласился и сыграл в свое удовольствие. И оказался неплохим характерным, даже эксцентричным актером.

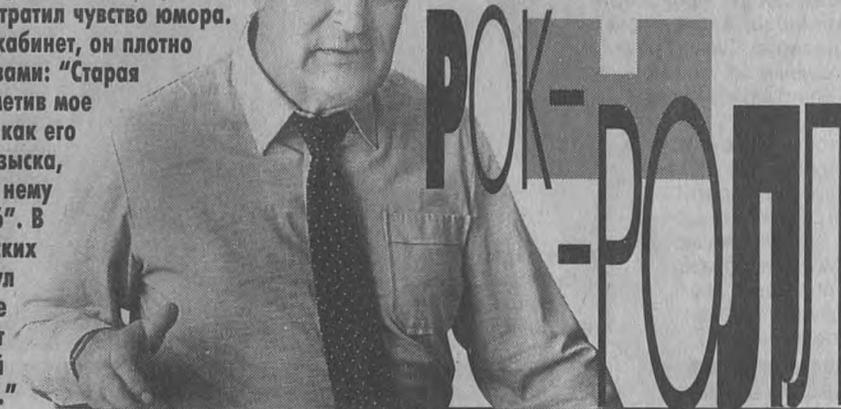
— И во сколько же лет вы все-таки научились объясняться в любви?

— Влюбленность посетила меня поздно. Замотался и не ощущал потребности в любви. Однажды режиссировал я один отрывок, где играла Нина Петропавловская, очень талантливая девушка. Но мой педагог остался недоволен. Я беззастенчиво

завопил: "Она гениальна!" Он удивился моей реакции и обещал еще раз посмотреть. На следующем показе я сам смотрел на Нину во все глаза, словно впервые. И случилось мое первое любовное потрясение. Влюбленный, я не замечал ничего. Мой несостоявшийся роман закончился скандалом — она меня отвергла.

Уже после войны я поставил спектакль "Легенда о любви" Назыма Хикмета в маленьком передвижном театре. И на этом спектакле мне почастливилось познакомиться с Викторией, моей будущей женой. В ноябре у нас будет золотая свадьба. Она не актриса, работала в издательстве. Я всегда помнил наказ великого мастера Алексея Денисовича Дикого: "Учтите, режиссер не имеет права заводить роман в своем театре. Это безобразие!" Мы пригорюнились. Зачем же пошли мы в режиссуру? А он, увидев нашу растерянность, посмотрел хитрым взглядом и выдал: "Но человек слаб. Если вы нарушите эту заповедь, то у вас есть выход —

БОРИС ГОЛУБОВСКИЙ: "Прожигатель жизни приговорен к воспоминаниям"

РОК-РОЛЛ С ДЕКАМЕРОНОМ

заводите романы со всеми без исключения. Тогда никому не обидно. И ни у кого нет преимуществ". Я держался главной заповеди — в своем театре не грешил. Я избегал искушений, исповедовал повышенно трезвый взгляд.

— В театре Гоголя в свое время вы рискнули поставить "Декамерон". Что вас подвигло на этот шаг?

— Это была первая в мире театральная постановка "Декамерона". Там же абсолютно живой материал! Мне близка мысль Боккаччо: человек и во время чумы должен остаться человеком. Не опускаться! Меня увлекло античное воспевание любви, тела, смелости, отваги. В "Декамероне" нет никакого ханжества. Спектакль пользовался очень большим успехом, прошел у нас около 800 раз. В иных газетах о нашем театре писали, будто он никогда не знал аншлагов. Это чужь. Когда я прочел такое в "Известиях", то разозлился. Вы себе не представляете — как! Вот говорящие цифры: 400 раз шел "Берег" Бондарева и получил Госпремию. "Рок-н-ролл на рассвете" мы показали 600 раз. "Верхом на дельфине" журналиста Лени Жуховицкого — 800 раз. Они шли успешно.

— Тяжело переживали свой уход из театра?

— Очень. Первая наивная мысль: завтра утром не надо идти на репетицию. Жаль. Я постоянно выдумывал себе какие-то работы. С радостью принял предложение поставить в Новгороде "Декамерон". Репетировал с утра до ночи, это был мой лучший вариант. Без театра было очень непросто. Я боялся остаться наедине с самим собой.

— Вам повезло в семейной жизни. Без вас мы разговорились с Викторией Борисовной, она поразила меня своей влюбленностью в литературу, в поэзию Серебряного века. А был у вас верный друг в театральной среде?

— Моим другом был Андрей Александрович Гончаров. Мы вместе поступили в ГИТИС в августе 36-го. Как часто случается, дружба наша

прошла испытания: мы не здоровались три года. Потом случайно встретились, обнялись и revelou о потерянном времени. Гончаров был крупной личностью. Свои воспоминания о нем я назвал "Записки завистника". Я не скрывал своей зависти к нему, открыто говорил о его редком даре аттракционного лидера. Но и ему доставалось от критиков.

— Вы участвовали в создании Сургутского театра. Наверно, трудно было?

— Благодаря нашим поездкам туда сургутские ребята получили дипломы ГИТИСа. Больше полугода в течение четырех лет я проводил в Сургуте, жил в гостинице.

— В наградном дипломе сургутский мэр назвал вас "капитаном дальнего мышления". Что стало с Сургутским театром без вас?

— Его судьба — мое теперешнее горе. Его главный режиссер, мой ученик, вынужден был покинуть театр и город. Схема разрушения театра проста: бывшая директриса клуба став директором театра, сделала главрежем своего сына. Из 26 студийцев в театре осталось 7. Театр умирает.

— Удивительно, вы до сих пор профессорствуете в ГИТИСе.

— Но я уже не веду курса из-за моей больной ноги: видите, как я шкандыбаю с костылем. Теперь читаю лекции на трех факультетах. Занятия проходят на первом этаже, в помещении музея. Когда меня спрашивают: "Как тебя найти в институте?", отвечаю: "В музее". В ответ слышу: "Ты что — уже экспонат?" (Смеется.) ГИТИС, студенты — это мое счастье. К тому же я писучий, выпустил 10 книг.

Известный театральный критик Борис Поюровский о книге "Большие маленькие театры" сказал очень точно: "Голубовский обеспокоен тем, чтобы не распалась связь времен, чтобы те, кто придет нам на смену, могли получить достоверную информацию из первых рук".

Наталья ДАРДЫКИНА.